

Т.А. Семилет

Основные положения культурвиталистской концепции

Трансформативный характер современного российского общества, нестабильность, подвижность и изменчивость его социальных структур, многовекторность духовных устремлений, неустоявшаяся и нелегитимированная иерархия российских элит и релятивность многих социально-культурных констант требуют ставятся в качестве актуальных задач перед социологией определения адекватной теоретико-методологической базы, категориального и методологического инструментария в анализе российской современности.

На смену марксистской монопарадигмальности в анализе социальных явлений пришла полипарадигмальность, характерная для современного состояния мировой (в частности евроамериканской) социологии. В российском социологическом знании сейчас проходят апробацию практически все ведущие направления социологии. На «испытательном полигоне» нашей социокультурной действительности ярко обозначаются достоинства и недостатки каждого из них, но проблема действенного и адекватного теоретико-методологического инструментария сканирования, диагностирования, комплексного описания, правильной социальной рецептуры и верного социального прогноза на сегодняшний день не решена и требует новых усилий и свежих решений.

Из существующего многообразия в наибольшей степени задачам целостного и сущностного исследования культуры отвечает, на наш взгляд, системный подход в социологии культуры, для которого характерно рассмотрение культуры как самодостаточной, самовоспроизводящейся автономной системы со специфической морфологией, самодетерминацией, функциональной дифференциацией, своими системными законами развития и функционирования. Этот подход охватывает те направления социологии культуры, интересы которых в первую очередь нацелены на системные характеристики культуры, на макроуровневые процессы, а в качестве базовых используют системно-механические, системно-органические или системно-кибернетические аналогии. Сюда относятся теории социокультурных систем, концепции культурно-исторических

типов, диалога культур, культурного взрыва, культурного воспроизводства, самореферентных систем, тектология и синергетика культуры.

Мы, используя в качестве теоретико-методологической основы идеи социологического витализма, разрабатывали свой вариант системного подхода в изучении культуры – культурвитализм, согласно которому культура рассматривается как органическая система, как субъект исторической жизни человечества, как индивидуальность, имеющая специфический строй присущих любой культуре универсальных элементов. Эвристичность аналогии культуры с живыми организмами в том, что подчеркивается, «схватывается» и задается видение немеханического характера системы, нелинейности причинно-следственных зависимостей в ее структуре; а понятия «жизнь», «живой», «организм» акцентируют ассоциации с чудом жизни, эффектом рождения нового качества, «эмерджентностью», когда из неживого, механического возникает живое, органическое, самостоятельное и самодостаточное, со своей «целостностью», целесообразностью, активностью, законами (или логикой) самореализации и предопределенным, заложенным ритмом и жизненным циклом.

Интуиция органичности и субъектной индивидуальности культуры как базовая установка культурвитализма характерна для многих направлений философской и социологической мысли. Например, Н.Я. Данилевский пишет: «Момент цветения представляет нам последнюю закладку нового в жизни растения, а потому и должно считать его высшим моментом творчества растительной силы, за которым следует уже одно созревание... Точно так же и высшим моментом творчества общественных сил должно признать то время, когда проявляются окончательно те идеи, которые будут служить содержанием всего дальнейшего культурного развития. Результаты этого движения, этого толчка долго могут еще возрастать и представлять собою всю роскошь и изобилие плодов цивилизации, но уже создающая ее и руководящая ею сила будет ослабевать и клониться к своему упадку» [1, с. 171].

К.Н. Леонтьев в своей социологии пользуется понятиями «социальный организм», «культурный организм», «государственный организм», а его социальный закон трех стадий имеет модус органической всеобщности. Из такого же представления исходят евразийцы, вот декларация их «Опыта системного изложения»: «Культура не есть совокупность разных элементов и не может быть такой совокупностью. Культура – органическое и симфоническое единство, живой организм. Она всегда предполагает существование осуществляющего себя в ней субъекта, особую симфоническую личность. И этот субъект культуры (культуро-личность), как всякая личность, рождается, развивается, умирает» [2, с. 375].

Вторым принципиальным для культурвитализма является положение о том, что культура как органическая система, а не условная единица анализа или название узкой сферы общественной жизнедеятельности, или совокупности достижений человечества может рождаться и существовать только как этнонациональное образование. Культурородная функция – монополия этносов, народов, наций, и всякая органическая культура национальна.

Убедительно это положение сформулировал Г. Флоровский: «Совершенно справедливо, что «общечеловеческой» культуры, как факта, не было, не будет и не может быть. Всякое культурно-историческое явление национально, т.е. несет на себе печать той «народной» среды, в которой оно возникло» [3, с. 48]. Даже такая «подлинно общечеловеческая» книга, как Библия, глубоко национальна, поясняет мыслитель, ибо без проникновения в ту культурную среду, в которой она создавалась, речи пророков «останутся немymi», а сущность первохристианской проповеди – неподдающейся адекватной экзегезе и аутентичному переводу.

Н.Я. Данилевский, рассуждая об общечеловеческой сущности гения, замечает, что если бы он выражал одно только общечеловеческое без национально-особенного, то «был бы не гением, а пошляком в полном значении этого слова» [1, с. 123].

С позиций культурвитализма, повторим, именно национально-этнические общности являются творцами органических культур, человечество же – явление собирательное, суммарное в культурном отношении. Оно не является субъектом культуротворчества. «Общечеловеческая» или «всечеловеческая» культура – копилка тех достижений и ценностей, которые произведены в культурах нацио-

нальных, рождены из глубин национального духа и своеобразной жизни конкретного народа. Для декларативного выражения этой позиции можно привести слова одного из классиков культурвитализма: «... нужно только ясно представить себе некоторую совокупность множества людей, связанных и соседством по месту, и общностью языка, душевного склада и всего быта, и вообразить, что в подобной массе, по мере того как поколения следуют за поколениями, совершается ясное культурное развитие, нарастание, расцвет и одряхление особого склада всех сфер человеческой жизни. Тут, очевидно, существует некоторая реальная и органическая связь между отдельными людьми, какой мы никак не можем видеть в человечестве, взятом в совокупности» [4, с. 518].

Следует, однако, отметить, что среди культурвиталистских концепций есть и другая позиция, согласно которой (как, например, у В. Соловьева) человечество есть реальный живой духовно-физический организм, а национально-культурные образования или культурно-исторические типы – его органы, элементы.

Мы солидаризируемся с иной позицией, согласно которой «у каждой культуры есть свои собственные возможности выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой своей сути друг от друга отличные пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной жизненной деятельностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому, как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти» [5, с. 32].

Третья позиция нашей концепции касается проблемы приоритетности творческой силы: что чем, вернее, кто кем создается, нация (народ) – культурой или культура – нацией (народом)?

Одна точка зрения заключается в том, что основа и формирующая сила жизни заключены в самой культуре, для которой национальность – лишь материал. Эту точку зрения выражает К. Леонтьев [6, с. 64]. О. Шпенглер, для которого культура – творец, а народ, люди – лишь материал формообразования, пишет: «...великие культуры – это нечто совершенно изначальное, поднимающееся из самых глубин душевности. Народы же в рамках культуры по своей внутренней форме и в соответствии со всем их явлением выступают не ее инициаторами, а творениями» [5, с. 885].

Другая точка зрения заключена в том, что нация, народ рассматриваются как «необходи-

мая основа и формирующая сила всякой мощной и жизнеспособной культуры» [6, с. 64].

Наша позиция представляет диалектическое единство этих точек зрения и может быть выражена в формуле: нации (этноты) – единства, общности прежде всего культурные, культура – их жизненная сила, т.е. то, что создает, вызывает к жизни, рождает их, обеспечивает существование, целостность, самореализацию и развитие; а всякая цельная органическая культура – национальна: этнос, нация – источник жизненных сил культуры, ее субстрат и субъект культуротворчества.

Единая однородная общечеловеческая культура возможна лишь как всемирная экспансия одной культурной системы на все человечество, что мы наблюдаем в процессах «насильственной» (в смысле насилия над самобытными национальными культурами) модернизации в форме вестернизации и глобализации культурной жизни по евро-американскому образцу. Но такое общечеловеческое единообразие губительно для самобытных национальных культур. Между тем каждый этнокультурный или культуроэтнический организм самобытен, неповторим и, что особенно важно подчеркнуть, самоценен. Каждый народ, можно сказать вслед за классиком, «по-своему научно исследует и философствует, по-своему видит красоту и воспитывает эстетический вкус, по-своему тоскует и молится. По-своему любит и умирает, творит добродетель и осуществляет низину порока» [7, с. 251].

У каждой этнокультурной индивидуальности свои неповторимые черты, своя «особенная статья», свои склонности и предпочтения и свои же неприятия и отвержения. Из этих особенностей складывается многосторонность, разнообразие и качественная глубина общечеловеческой культуры как совокупности национальных культур-индивидуальностей.

Четвертое положение, имеющее принципиальное значение для нашей концепции культурвитализма, заключается в признании наличия у каждой культурной индивидуальности своего особого, только ей присущего «образовательного принципа», «культурной доминанты», задающих определенный строй культурной системе, создающих своеобразие ее конституции, ее качественно-отличительную особенность, формирующие строение «социального тела» и определяющие черты ее «духовного лика». Существует целая традиция рассмотрения таких доминант в философии и социологии культуры. У Э. Гуссерля – это «телос», или «центральное сущностное ядро», ка-

ковым, по его мнению, для европейской культуры является *Ratio*, или рациональность, или рациональная духовность. У В. Соловьева – это Божественная Идея-задание, Идея-предназначение, то, что Бог думает о нации в вечности [8, с. 312]. Для М. Вебера, Ф. Тенниса, В. Замбарта – это универсальный для каждой культуры духовно пронизывающий и социально организующий принцип. Для О. Шпенглера – «душа культуры», имеющая доминантную заданность или ориентацию. Для П.Е. Астафьева – это национальная идея, требование национального духа, «духовный строй». Для Н.Я. Данилевского – это «начала» культурно-исторических типов.

Тайна культурной доминанты, системообразующего и качествазадающего принципа культуры (культуро-субъекта, культууро-личности) скрыта, по нашему мнению, в процессах этно- и культурогенеза, на путях пересечения многих случайностей, из которых складывается необходимость, проявляющаяся как закон, логос этнокультурной системы, ее определяющая черта, «склонность», «начало», «идея», которая задает духовный строй, выражается в «душе культуры», национально-психических особенностях этноса и служит законам организации «социального тела».

Следует отметить, что если процесс культурного развития адекватно описывается в терминах растительного мира, культуры «вырастают», «цветут», «созревают», «плодоносят», «вянут», «истощаются», то морфология культуры, с позицией культурвитализма, скорее представляет собою персонологию: ее основные составляющие – «дух», «душа» и «социальное тело».

«Геномом», зародышем, первичным образованием, из которого развивается весь организм культуры, является «душевная стихия»: социально-психологические свойства, склонности, особенности, социальный характер и социальные чувства этнической общности. Это «душа культуры», «народный характер». Из них рождается и «социальное тело» как актуализация форм и способов социального взаимодействия, социальной совместности и социальной организации; ими во многом обусловлен дух нации и духовные комплексы культуры. По выражению И. Ильина, «самые узлы эмпирически данного характера, обусловленного расой, национальностью и языком, климатом и природою, общественным укладом и воспитанием, распутываются и расплетаются у каждого народа по-своему, и по-своему же он превращает эти нити в духовную ткань»

[7, с. 249]. Такая приоритетность детерминации не исключает, а, с нашей точки зрения, предполагает: а) взаимовлияние выделенных культурно-морфологических комплексов; б) слитность, сцепленность духовного, психического и социально-организационного.

Под жизненными силами культуры в нашей концепции культурвитализма понимаются те явления, процессы, свойства и отношения социальной жизни, которые выполняют следующие функции:

а) «сцепливания», соединения, сплочения, «сплавления» «пыли людской» (П. Новгородцев) и разрозненных духовных, психических, социальных элементов в живой организм, неповторимую культурно-историческую индивидуальность;

б) конституирующую, архитектонико-строительную, формирующую;

в) обеспечения слаженного и целесообразного жизнеосуществления этого организма;

г) механизма его воспроизводства;

д) движущих сил развития, понимаемого как самоактуализация, самореализация, самовыражение и воплощение.

К жизненным силам органических культур (в отличие от неорганических, таких как правовая, молодежная, элитарная и т.п.), составляющих ядро этнокультурной системы, мы относим следующие;

– единую знаково-символическую (вербальную и невербальную) и знаково-образную среду. Это прежде всего язык, мифические и архитипические образы;

– этнокультурное самосознание, самоназвание и самоотнесение;

– историческую память, эпические предания, фольклор;

– религию;

– идеалы, смыслы и цели существования, ценности, святыни;

– единое оптимистическое жизнеутверждающее мировосприятие и мироощущение;

– нормативно-регулятивную систему, «этнос» культуры;

– традиции, обычаи, обряды, ритуалы, педагогику, образование и воспитание;

– менталитет;

– социально-организационные и социально-стратификационные модели совместности, солидарности, способы социального соединения;

– государство как форму личного бытия культуры «организованной воли» культурносубъекта;

– культуротворческую и духовно-побудительную элиту;

– национально-культурную идею, которая определяет конечные смыслы бытия этнокультурного организма, «одушевляет» его «социальное тело» и выступает в широком смысле идеологией, понимаемой как отыскание и обоснование своего интереса в процессе осуществления человеческой истории.

Процесс культурного развития, согласно позиции культурвитализма, подобен этапам жизни растительного организма (зарождение, развитие, цветение, созревание, плодоношение, увядание, смерть) или в ином ракурсе рассмотрения – возрастом человека (детство, юность, зрелость, старость, смерть). Аналогия со временами года (весна, лето, осень, зима), предложенная О. Шпенглером, хотя содержательно от растительных и возрастных периодов не отличается, проигрывает в том плане, что а) в ней отсутствует органическая целостность и «привязка к индивиду»; б) предполагается повторяемость цикла, что, согласно нашей позиции, совершенно исключено в отношении культурных индивидуальностей. Смерть культуры – явление необратимое. С А. Тойнби можно согласиться в понимании «роста» цивилизации-личности. «Рост означает, что растущая личность или цивилизация стремится создать свое собственное окружение, породить своего собственного возмутителя спокойствия и создать свое собственное поле действия. Иными словами, критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения, а движение в сторону самоопределения – это прозаическая формула чуда самовыражения Жизни» [9, с. 250]. Но в наименовании жизненных этапов (генезис, рост, надлом, распад) ассоциативность с механикой двух последних, на наш взгляд, не совсем релевантна описанию органического процесса.

Каждому этапу культурного осуществления, каждому возрасту культурно-исторической индивидуальности соответствуют свои доминантные процессы, приоритетность в направлении приложения сил и наибольшее возбуждение и проявление тех или иных жизненных сил, равно как и степень их творчества, и сама «сумма жизни», и потенции в развитии того или иного вида деятельности, и степень волевого напряжения. Если в период взросления культурного организма превалируют процессы усложнения, дифференциации, распространения, повышенной энергичности и интенсивности, выработки собственных начал и адаптация, переработка заимствований как материала для культурного строительства, то

в период увядания энергичность и творческие силы культурного организма ослабевают, четко обозначаются процессы «свертывания», упрощения, редукции. В обозначении жизненного пути культурной индивидуальности, по нашему мнению, абсолютно справедлива формула, предложенная К. Леонтьевым; от первоначальной простоты к цветущей сложности и от нее — ко вторичному смесительному упрощению.

На жизненные силы культурных индивидуальностей значительное влияние оказывают внешние воздействия. Наиболее существенные из них возникают в процессе взаимодействия: а) с природной географической средой; б) с социально-политическими субъектами; в) с другими культурными духовно-физическими индивидуальностями. Ландшафт, климатические условия, состояние географической среды в целом оказывают существенное влияние на качественное содержание элементов культурной системы, а также на их структурно-организационное соединение. «Великие исторические реки» учат людей солидарности, утверждал Л.И. Мечников. Евразийцы всесторонне обосновали единство народа и географической среды его обитания как неразрывного единства. Имеет, на наш взгляд, веские основания традиция русской социальной мысли (Ключевский, Карамзин, Бердяев, Ильин, Гачев и др.) объяснять черты русского национального характера особенностями природно-географических условий России.

Влияние геополитических условий на становление и развитие этно-культурной индивидуальности зависит от характера взаимоотношений с соседями, их воинственная или миролюбивая направленность, доступ к экономически выгодным зонам, завоевание или отстаивание своего жизненного пространства. Эти условия оказывают влияние и на принципы социального соединения, и на групповую иерархию общества, и на акцентировку определенных ценностей, и на привычки, нравы, обычаи народа, на содержание этнопедагогики и образ жизни. На «вызовы» (А. Тойнби) географической и политической среды культурный организм реагирует системой изменений, «перестроек», трансформаций, метаморфоз.

Но особое значение для жизнедеятельности культурных индивидуальностей и состояния их жизненных сил имеют межкультурные взаимодействия. В культурвитализме они рассматриваются в двух аспектах: органическом и личностном. Взаимодействия культур-организмов описываются понятиями «прививка», «пересадка», «опыление», «оплодотворение»,

«удобрение», «культуры-доноры» и «культуры-реципиенты».

Культуро-личностный ракурс межкультурных взаимодействий отражается понятиями «коммуникация», «диалог», «конфликт», «сотрудничество», «заимствования», «кооперация», «конфронтация», «соперничество» и другими подобными с антропоморфической, персоналистической нагрузкой.

С позиций культурвитализма межкультурные взаимодействия, культурные влияния и их последствия могут быть полезными и вредными, благотворными и пагубными. Критерием оценки в этой ситуации может и должно служить состояние жизненных сил культурной органической системы. Если взаимодействия с другой культурной индивидуальностью не нарушают органический строй культурной системы, не «заглушают», не «усыпляют», не «подавляют» ее жизненные силы, а, напротив, добавляют им разнообразия или придают добавочный импульс развитию чего-то, ранее «дремлющего», неразвитого, способствуют самоактуализации культуры, самопроявлению и самоакцентировке, мы оцениваем культурное влияние как благотворное, полезное. Так, например, Н.Я. Данилевский отмечал, что условия для истинного культурного развития «были бы благоприятнее, если бы самобытные русские культурные силы только возбуждались постепенным знакомством с европейской наукой и европейским искусством» [1, с. 497]. Возбуждающее, оплодотворяющее, стимулирующее воздействие благоприятно для культурной индивидуальности. Противоположный эффект от взаимодействия — вредоносен.

С точки зрения культурвитализма, все элементы культурной системы находятся в органической, естественно-исторической по происхождению взаимосвязи, что не позволяет безболезненно разрушать какую-либо подсистему, а тем более заменять ее на инородный имплантант. Такие «операции» представляют собой угрозу для культурного организма в целом: а) от того, что нововведение нарушает естественный строй и сращенность культурного элемента со всей системой; б) задает свою логику развития, которая может привести к гибели системы или ее перерождению; в) в последнем случае культура вступает в противоречие, несовпадение с внутренним миром сформировавшихся в ней людей, что ведет к отчуждению, социально-духовной дисгармонии, кризису, нездоровью социокультурного организма. Подчеркнем, что это относится к «ядру» культуры, ее константам и жизненным

ным силам. На периферии культурного организма заимствования, изменения, нововведения возможны и даже желательны, так как создают необходимое разнообразие и определенное энергетическое напряжение в цельном и стройном культурном организме.

Представляется, что акцентирование организического, а не механического характера куль-

турной системы, рассмотрение ее крепости, гармоничности, жизнеспособности через выявление комплекса жизненных сил, ей присущих, дает адекватный инструментарий исследования культурных систем, диагностики их здоровья или болезненности, предлагает надежный, научно обоснованный базис для социальной рецептуры и прогностики.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Евразийство. Опыт системного изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
3. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998
4. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М., 1991.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Минск; Москва, 2000.
6. Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000.
7. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 4. М., 1994.
8. Соловьев В. Русская идея // Россия глазами русского. СПб., 1991.
9. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.